

Воинские искусства Античности

Привержанцам боевых искусств Востока хорошо известно то преображающее духовное воздействие, которое они испытывали со стороны китайского даосизма, конфуцианства или японского дзэна. Это воздействие было не чем иным, как Одухотворением воинских искусств (как и иных «мирных» искусств и областей деятельности). Здесь исток той удивительной жизнеспособности Традиции, которая сохранилась до наших дней и устремлена в будущее. Однако мало уже кто помнит о тех взлетах духовности, которые происходили на почве европейской традиции, и прежде всего в ее колыбели — античной Греции.

Сама Греция за много веков до н.э. оказалась на перекрестке духовных влияний Индии, Ирана, Египта. Они были восприняты мудрецами и посвященными Эллады, которые распространили их на все сферы деятельности, в том числе и на область воинской практики и профессиональной подготовки. Как и на Востоке, среди духовных подвижников Древней Греции было немало прославленных атлетов, воинов и полководцев. Таким был легендарный Пифагор, который в VI в. до н.э. на эллинской почве осуществил синтез эзотерических (тайных) учений Египта, Вавилона, Иудеи, Ирана и Индии с тем, что он унаследовал от потомков легендарного верховного жреца Фракии Орфея. Таким же был знаменитый пифагорец (посвященный член религиозного пифагорейского ордена) Милон Кротонский — непобедимый атлет и выдающийся стратег.

Платон, как духовный наследник Пифагора и его школы, занимает особое место. Он оказался последним Великим Посвященным античности, принявшим эстафету «божественного огня» от своих предшественников. В учении Платона была воссоздана целостная концепция античного (орфико-пифагорейского) эзотеризма, которая, как и на Востоке, утверждала духовное единство мира, бессмертие божественной природы души и ее следствие — идею метемпсихоза (т.е. переселения душ), а точнее — идею духовной инволюции и эволюции.

Сокровенный смысл платоновского учения, которое подняло на небывалую высоту античные принципы духовного воспитания, конечно же, не был забыт. Он передавался в узком кругу посвященных учеников и членов платоновской Академии, которая просуществовала после его кончины еще 1000 лет и была закрыта императором Юстинианом только в 529 г. Первыми, кто приоткрыл завесу тайны над учением Платона, были философы неплатонической школы (среди них наиболее известны Плотин, Порфирий, Ямвлих и Прокл). Они указали на его мистериальные истоки и сакральный смысл.

Однако платоновское учение не могло избежать позднейших наслоений и искажений в экзотерических истолкованиях профанов. Пожалуй, своего апогея они достигли в современной «научной» философии и педагогике. Политически ангажированная философия немало потрудились, чтобы превратить Платона в бездушную хрестоматийную куклу — «объективного идеалиста». Парадоксальным и чудовищным образом Платон преобразился. Вся античная традиция признавала в Платоне «целителя души», символического посланника солнечного бога Аполлона, факелоносца древних мистерий, несущего узникам, томящимся во мраке пещеры неведения, «незримый свет» Единого божества и дыхание Вечности. Теперь же Платон предстал как «философ-самоубийца», певец «казарменной утопии», которую начертал в своих последних (а на самом деле наиболее эзотеричных) диалогах — «Государстве» и «Законах». Подобному же извращению (оглуплению!) подвергся в официальной педагогической «науке»

платоновский принцип гармоничного воспитания. Он превратился в стертое клише, в бездушный отвлеченный термин, бесконечно далекий от своего исконного сакрального смысла. Показать сказанное возможно, если отмыкать диалоги — «священное писание» Платона — эзотерическим ключом. Задача эта решена в одном из специальных моих исследований, посвященных Платону-эзотерику. Здесь же, сообразуясь с объявленной темой, я ограничусь лишь тем, что имеет прямое отношение к воинским искусствам античности, начав с «истоков» платоновского учения — с рождения самого Платона.

Как полагают, античный мудрец родился в 426 г. до н.э. и был назван Аристоклом. По происхождению и задаткам он был аристократом, т.е. «лучшим». Юный отпрыск древнего царского рода, восходившего к легендарному Солону, получил и лучшее афинское образование. Оно как бы воплощало почитаемое в аристократической Элладе устремление к гармонии духа и тела. С молодых лет будущий Платон проявил себя как музыкант, живописец и поэт. Он прославился также как прекрасный гимнаст, наездник и борец, став победителем на Истмийских (а возможно, и на Пифийских) состязаниях. Полагают, что за могучее сложение (высокий рост, широкие плечи и грудь) Аристокла и прозвали Платоном (от слова «платос» — широкий). Намеки на широкий лоб Платона подразумевают еще широту духовных интересов и рано обнаружившееся влечение к мудрости.

Разрешиться от «духовного бремени» молодому Платону помог Сократ — знаменитый мастер духовного «повивального искусства» (как он себя называл). Тогда-то Платон символически сжег все свои юношеские стихи и объявил друзьям, что отныне будет служить только Мудрости. Кончина Сократа-праведника ознаменовала собой подлинный духовный переворот и рождение того, кто потом прославился как Платон. Подобно другим искателям мудрости, Платон отправился в странствия и получил посвящение в греческом храме Элевзиса, египетском храме Изиды и у пифагорейцев в Южной Италии, именуемой Великой Грецией. После этого он вернулся в Афины, чтобы стать «целителем душ» и «благовестником», несущим людям Законы, которым подчинено все сущее.

Античная традиция умалчивает, продолжал ли Платон в последующее время занятия гимнастикой и воинскими искусствами. Специальных трактатов на эту тему он также не оставил. Однако в своих поздних сочинениях Платон обнаруживает глубокие познания в военном деле. Судя по всему, он прекрасно знал не только живописания Гомером и Гесиодом воинских подвигов греческих героев, но и систему спартанского воспитания, опыт военной подготовки соседних «варварских» народов. Как посвященный «законодатель» Платон излагает реформаторские воззрения на гимнастику и воинские искусства, он одухотворяет их и через практику обучения стремится направить людей по пути добродетели.

Подступаясь к тому, что написано об этом Платоном, следует учитывать как буквальный смысл, так и символический. Связанный обетом молчания как посвященный, он мог открыто указывать лишь на реалии гимнастического воспитания (включавшего воинскую подготовку). Само же эзотерическое знание обычно сокрыто «тройным покровом». Египетские жрецы, у которых Платон принял посвящение, пользовались тремя способами изложения мысли: прямым, символическим и образным, священным и иероглифическим (Гераклит определил эти способы, как «говорящий, обозначающий и скрывающий»). Как и иные древние мудрецы, Платон использовал и буквальные значения, и символические. Первые привлекали «толпу невежественной черни», вторые вызывали восхищение у «людей образованных». То, что вызывало восхищение, и был тот сакральный смысл платоновского учения в целом и предложенной им системы воспитания, где гимнастика и воинские искусства занимали свое достойное место.

Следуя пифагорейской традиции, Платон различал воспитание «мусическое» и «гимнастическое». До сих пор многие считают, что первое предназначено для души, а второе — для тела. На самом же деле, поскольку, согласно Платону, «душа старше тела», а тело «подвластно» душе и его невозможно воспитывать, не влияя на душу, то и «гимнастическое» воспитание предназначено «прежде всего для души». За, казалось бы, простыми понятиями античные мудрецы видели нечто сложное и сокровенное. У Платона «мусические» искусства охватывают круг эзотерических дисциплин, в числе которых и древняя софистика, понимаемая как «искусство мудрости» (т.е. эзотерическая философия), музыка, искусство словесности, а также «таинства и прорицания». Эти-то искусства и служили античным философам, музыкантам и поэтам завесой для «прикрытия посвящения в таинства божественных учений». Знаменательно и другое — то, что Платон устами своего Протагора к подобным же «прикрытиям» относит и гимнастику. Таковой, по словам Протагора, гимнастика служила «Иккутарентийцу и одному из первых софистов нашего времени, селимбрийцу Геродику, уроженцу Мегар».

Эзотерическая традиция использования гимнастики в духовных целях и ее сакральное понимание восходит еще к Пифагору. Желающие вступить в его религиозное братство своему первому испытанию подвергались в палестре, где царила атмосфера гармонии и доброжелательности. Как и в средневековых восточных школах боевых искусств, в школе Пифагора старшие учителя наблюдали за неофитами и за недостойное поведение те решительно изгонялись. Послушничество во «внешнем» круге у пифагорейцев длилось от 2 до 5 лет, после чего самые добродетельные и способные допускались во «внутренний» круг и поднимались по ступеням посвящения. В школе Пифагора не поощрялась борьба в состоянии вражды и агрессии, когда соперники катались по песку, как «дикие звери». По некоторым сведениям, пифагорейцы упражнялись в бое с тенью. Сам Пифагор был атлетом в молодости, как и Платон, побеждал на состязаниях и, якобы, даже разработал для атлетов специальную мясную диету, хотя пифагорейцы (по понятным религиозным причинам) были вегетарианцами.

Платоновские «Законы» несут в себе ту же эзотерическую традицию и насыщены сакральной символикой. Они имеют 12 частей и самим Платоном определяются как «дар бога». Описывая гимнастические занятия, Платон, естественно, и их наделяет символическим смыслом. Так, гимнастические состязания связываются им с двенадцатью богами и временами года, олицетворяя круговорот вселенной. При этом Платон ритуализирует гимнастику, вменяя в обязанность «упражняться не на войне, а в мирной жизни». Кстати, античные состязания и игры, имевшие ритуальный характер, объединяли не только гимнастические (воинские), но и мусические искусства, ибо все они находились как: бы под божественным покровительством. По преданию, на таких соревнованиях среди людей находился предводитель Муз лучезарный Аполлон, который нес «незримый свет» духовности.

В гимнастическом искусстве Платон выделял два вида: пляску и борьбу. В пляске он, следуя традициям, видел прежде всего ритуальный смысл, выявляя то, «что есть подобающего в хороводных плясовых подражаниях», т.е. подражание божественным образцам. Вот почему в «вооруженных играх» и плясках он призывает подражать богине Афине, исполняющей военный танец в сиянии божественного вдохновения. Подобные воззрения подтверждает следующий его фрагмент. «Юношам и девушкам подобало бы всячески этому подражать, чтя милость богини, а также ради военных надобностей и празднеств. Малым детям... надо было бы во время шествий и торжественных процессий в честь всех богов всегда украшаться оружием, сидеть на коне, плясать и идти то быстрее, то медленнее, вознося молитвы богам и детям богов. Состязания и предварительные упражнения к ним надо устраивать именно ради этого, а не чего-то иного».

Из «видов серьезных плясок» Платон выделяет «воинственную пляску», называемую «пиррихой». В ней, согласно Платону, воспроизводятся «движения красивых тел и мужественной души на войне или в тягостных обстоятельствах». Чем не идеальное требование к выполнению ката в каратэ? А вот и платоновское описание «пиррих» — античных «ката», имитирующих бой с оружием. «Путем уклонений и отступлений, прыжков в высоту и пригибаний она воспроизводит приемы, помогающие избежать ударов и стрел, пытается она воспроизвести и движения противоположного рода, пускаемые в ход при наступательных действиях, т.е. при стрельбе из лука, при метании дротика и при нанесении различных ударов». Что касается борьбы, то по Платону она необходима "ради благообразной мощи, а также здоровья, что полезно во всех отношениях". Примечательно, что главенствует здесь "благообразная мощь", т.е. мощь тела и духа, восходящая к божественному - первообразу — платоновскому Благу. Этот вовсе не случайно, ибо Благо было центральной темой его эзотерических лекций и наставлений в Академии. Борьба своими средствами призвана была воссоздать божественный "образ Блага", воплотить его в гармоничных, одухотворенных движениях тела. Подобные воззрения Платона целиком в русле эзотерической традиции. Ведь недаром именно посвященные ваятели Древней Греции прославили ее искусство скульптурными изображениями атлетических тел — воплощенными образами высшей духовности.

В гимнастические упражнения Платон включает "телесные упражнения в ратных трудах: стрельбу из лука, всякие виды метания, обращение с легким и различным тяжелым оружием, строевой порядок, умение отправиться в любой поход, разбить лагерь, а также все знания по верховой езде". Платон исходит из высокого воспитательного назначения воинской подготовки и полагает ее обязательной и для мужчин и для женщин. Ссылаясь на "древние предания", а также на савроматид (амазонок), Платон утверждает, что женщины должны "наравне и сообща с мужчинами упражняться не только в верховой езде, но и в установленной стрельбе из лука и в употреблении другого оружия", стремясь к "единству трудов и цели". Всему этому должны, согласно Платону, обучаться "мужчины и мальчишки, девочки и женщины, если только последние знают толк в ратном деле, обучившись еще в девичестве любым пляскам в полном вооружении и бою; по выходе же замуж они приступают к боевому порядку, строю, надеванию и сниманию оружия". Платон считает позорным воспитание женщин, не готовых "умереть или претерпеть всяческие опасности ради детей". Он полагает, что "военную службу мужчина должен нести с двадцати до шестидесяти лет, а женщина (если будет решено и их привлекать к ратному делу, установив там дополнительно то, что им подходит и подобает) лишь после того, как она уже родит детей — и до пятидесяти лет".

Признавая, что женщина слабее мужчины и имеет особое предназначение, Платон отстаивает бытовое и военное равноправие женщин с мужчинами, а за ним, что существенно, усматривает прежде всего равноправие духовное. Он полагает, что "девушки должны участвовать в гимнастических упражнениях, а вместе с тем и в занятиях мусическими искусствами. Женщины же, хоть и не трудятся над пряжей шерсти, должны плести жизнь, полную упражнений и вовсе не ничтожную и малоценную". За платоновским утверждением равноправия женщин с мужчинами можно усмотреть эзотерический исток. В духовном смысле равноправны все посвященные, а отдельное женское посвящение существовало и в Индии, и в Египте, и в Иудее, и в Греции (например, у Пифагора). Недаром Платон предусматривает "освященные браки", которые призваны через детей продолжить служение богу. Посвященные родители призывали благие души к воплощению, а высшее божественное покровительство символически выражалось в идее "непорочного зачатия". Согласно одной из эзотерических легенд именно таким способом на свет появился сам Платон, который был символически признан

посвященными за сына (посланца) Аполлона. В том же эзотерический смысл рождения богочеловека Иисуса.

Предназначение Платона на Земле состояло в воссоздании Единого эзотерического учения древних, осуществлении посева мудрости и в широком утверждении идеалов духовности. Главная задача "законодателя", согласно Платону, состоит в том, чтобы воспитывать "хороших людей", т.е. людей, живущих по божественным установлениям. Именно в этом смысле Платон говорит о том, что "хорошо воспитанные дети легко станут хорошими людьми и, став такими, и все остальное будут делать прекрасно, в том числе и побеждать в битвах врагов". Однако Платон предостерегает от чрезмерных занятий гимнастикой и вниманием к телу (которое есть "могила души") в ущерб самой душе, ради которой прежде всего гимнастика и введена в систему воспитания. Видит он и те соблазны, которые создает любование собственной силой и мнимой непобедимостью в воинских искусствах. Вот одно из его разъяснений: "Воспитание ведет и к победе, победа же иной раз — к невоспитанности. Ведь многие, обнаглев из-за одержанных на войне побед, под влиянием этой наглости преисполнены множества пороков".

Ставя гимнастику и входящее в нее воинское искусство на службу добродетели, Платон видит необходимость реформы обучения самому военному делу, которое не обходится без облагораживающего гимнастические упражнения мусического искусства. Он предусматривает постройку гимнасиев и школ в городе, а в окрестностях — ипподромов и площадок для стрельбы из лука и метания, чтобы мастера обучали детей "всем военным наукам и мусическому искусству". Платон являет себя подлинным знатоком обучения борьбе и воинской подготовки. Приводя их к идеальному единству во имя высшей цели, он вовсе не теряет чувства реальности. Напротив, он стремится сделать борьбу фундаментом боевой подготовки, а само обучение воинским искусством максимально приблизить к "полевым условиям", предлагая для этого множество методов.

Прежде всего Платон выделяет те гимнастические состязания, которые "пригодны для ратного дела", поскольку "подвижность тела... имеет первостепенное значение в воинском деле". Он предлагает помимо обычного бега устраивать одинарные и двойные пробеги с оружием, пробеги на конной дистанции, длинные пробеги и другие испытания. При этом для тяжеловооруженных гоплитов предусматривается более ровный путь, а для стрелков — бег по гористым местам. Состязания подразделяются у Платона на 3 разряда: юношам назначается "две трети пробега", мальчикам — "половину двух третей", а для "недостигших зрелости девушек" устанавливаются одинарный и двойной пробеги на конной дистанции и длинный пробег без оружия. Для состязаний в силе, вместо борьбы и других тяжелых упражнений, Платон предлагает бой с оружием: один на один и далее, вплоть до боя десять на десять — как для мужчин, так и для женщин до их замужества. Что касается женщин, то, согласно Платону, "кулачные бои для них следует заменить полными состязаниями пельтастов с применением легких щитов, дротиков, пращей или ручного метания камней". Выступая против "низменных влечений" у юношей и девушек, Платон предлагает вытеснить их стремлением к "победе в борьбе, в беге и других таких состязаниях". Однако высший смысл этих состязаний он видит в такой "победе над удовольствиями, которая сделает блаженной их жизнь; уступка же удовольствиям повлечет за собой жизнь совершенно иную".

Прославляя идеал высшей Гармонии, Платон отстаивает все ее частные проявления. Применительно к гимнастике и воинскому искусству он стремится восстановить природное равноправие рук человека и отстаивает идеал, который почитался у разных народов. Это идеал "обоерукого" воина. Вот какие доводы приводит Платон: "Ясно, что ноги и вообще нижние конечности вовсе не различаются в смысле работы. Что же

касается рук, то здесь каждый из нас может стать калекой по неразумию кормилиц и матерей. В самом деле: природа почти уравнивала те и другие конечности, и уже мы сами, путем привычки, сделали их различными, пользуясь ими ненадлежащим образом". В подтверждение Платон ссылается на обычай скифов при стрельбе из лука пользоваться любой рукой, также в искусстве управления колесницами. Такая способность, согласно Платону, особенно важна, "когда приходится пользоваться для военных целей железными орудиями, луками, дротиками, вообще оружием. А всего важнее это в тех случаях, когда оружием надо отражать оружие". Платон справедливо усматривает здесь огромную разницу между тем, кто упражняется подобным образом и кто нет, указывая на мастеров кулачного боя, борьбы и панкратия (сочетание кулачного боя и борьбы). Вот почему он призывает заботиться при играх и гимнастическом воспитании, чтобы юноши и девушки "не извратили (дурными) привычками природных свойств". А вот сколь поэтично Платон высказывается об идеале гармоничного владения воинским искусством: "Если кто родится подобным Гериону или Бриарею (многорукие мифические существа — В.Ф.), то он должен быть в состоянии всей сотней своих рук метать сотню стрел".

Согласно Платону, "разумное государство должно уделять воинским упражнениям в лагерях каждый месяц не меньше одного дня... при этом не надо бояться ни холода, ни жары". Вот как рассуждает - Платон от имени "разумного законодателя" о необходимости приближения воинской подготовки к реальным условиям и регулярности занятий. "Прекрасно, государство-то я устроил, но какими должен я воспитать его граждан? Разве не борцами в величайшем сражении, где у них будет много тысяч противников?" — "Конечно же", — правильно было бы на это ответить. — "Так что же? Если бы мы воспитывали кулачных бойцов, панкратистов и тому подобных борцов, неужели мы вышли бы на состязание, ни разу перед тем ни с кем не сразившись? Или раз уж мы кулачные бойцы, то мы задолго до состязания в течение многих дней будем учиться сражаться и приложим много трудов, чтобы усвоить все те приемы, что пригодятся нам потом для победы? Научимся подражать им как можно лучше: вместо ремennого панциря мы наденем панцирь, состоящий из металлических шишечек, чтобы как можно лучше изучить удары и способы их отражения. Если у вас будет чрезмерно большой недостаток в товарищах по гимнастике, то мы станем упражняться, заменив противника подвешенным неодушевленным чучелом... Наконец, если у нас не будет живых противников и никаких неодушевленных предметов, если нам придется упражняться в пустыне, разве не посмеем мы это делать наедине, в самом деле борясь уже со своей тенью?" Продолжая начатое сравнение, Платон пишет: "Хуже ли этих борцов будет подготовка воинства нашего государства?... Законодатель не убоится того, что подобные упражнения по двое могут показаться кому-то смешными: напротив, он предпримет еще и каждодневные небольшие походы, пусть без оружия, приспособив к этому хороводы и всю вообще гимнастику. Он предпримет также гимнастические упражнения, более или менее тяжелые, не реже чем раз в месяц. По всей стране граждане должны будут вступать друг с другом в борьбу... устраивая засады и вообще подражая военным действиям. Они будут бросать шары и метать стрелы, по возможности подобные настоящим... чтобы это была не просто безопасная взаимная забава, но присутствовал бы и страх: тогда обнаружится, у кого есть присутствие духа, а у кого и нет. Первым оказывается почет, вторые же предаются бесчестию. Таким образом, все государство, пока оно существует все время должным образом подготавливается к настоящему бою. Если при этом кто-нибудь даже лишится жизни, то, поскольку убийство произошло невольно, руки убийцы считаются чистыми, после того как он по закону совершит очищение... Если же исключить здесь страх, то нельзя будет найти средство отличать лучших людей от худших; а это будет для государства значительно большей бедой".

Трудно не отдать должное Платону как знатоку военного дела античности. Нелегко устоять перед чарующей магией его речей. Однако пора напомнить, что недостаточно ограничиться лишь буквальным пониманием всего сказанного о "гимнастическом" искусстве. Ибо за воссоздаваемыми Платоном реалиями жизни и быта его "государства" таятся более глубокие слои эзотерического содержания и сакральный смысл. Обычно Платон пользуется знаками и символами, доступными лишь посвященным, но он же дает и ключи к истолкованию для людей "образованных".

Прежде всего при всей (казалось бы предельной) реальности описания своего идеального "государства", оно остается "идеальным" в исконном платоновском смысле — как созданное его творческим воображением по некоему божественному образцу, данному Платону свыше через мистическое озарение. Платон указывает на то, что его "государство" — плод вещего "сновидения". Подобные "сновидения" в античной эзотерической традиции подлежали истолкованию, благодаря чему тайные знаки высшей реальности и символы переводились в связные суждения. Если приоткрыть сокровенное у Платона, то окажется, что социальные сословия его "государства" воспроизводят ту же кастовую (но духовную и внутренне подвижную) иерархию, которая существовала в ведические времена в Индии, а также в Египте задолго до того, как касты перешли в состояние социальной окаменелости. Высшие сословия в духовном смысле — высокопосвященные жрецы, т.е. платоновские эзотерические "законодатели", имеющие право голоса от имени верховного божества, а также воины — Платон именует их "стражами", призванными охранять божественные Законы. Еще легендарный Орфей учредил в Элладе совет и трибунал Амфиктионов, т.е. собрание и третейский суд высокопосвященных "законодателей" как орган единения и приведения к состоянию духовной гармонии всех греческих государств. Примечательно, что гвардейцами в этом социально-религиозном органе были фракийские воины-посвященные. В платоновских "Законах" есть аналог такому органу — некое Ночное собрание, куда входят "старцы", жрецы) и "стражи".

Если снять еще один покров с сокровенного смысла платоновского "государства", то следует задержаться на его неоднократных указаниях на то, что образ "государства" служит для уразумения природы человеческой души. То, что нельзя прочесть в душе или узреть в ней непосредственно, Платон сравнивает с неразличимой записью, сделанной "мелкими буквами". Поэтому то же самое он предлагает начертать "крупными буквами". Поэтому то же самое он предлагает начертать "крупными буквами", уподобляя жизнь души целого государства, которая как бы у всех на виду и доступна для наблюдений. Вот почему платоновское "государство" есть не что иное как сакральный миф о душе. Но если так, тогда "законодатели" и "стражи" Ночного собрания выступают мифологическими персонажами и символизируют не только духовное братство посвященных, но и божественные свойства самой души человеческой. Они-то и должны возобладать и подчинить себе все животные и "звероподобные" свойства смертной природы, привести душу к искомой духовной гармонии, т.е. "исцелить" ее. Достижению этой гармонии закономерно предшествует борьба божественного и человеческого как бессмертного и смертного. И эта духовная борьба в душе человека требует такой же регулярной практики и таких же приближенных к реальности упражнений, которые аллегорически и столь красочно описаны Платоном через жизненно достоверные направления и методы реформы военного дела. Именно эту борьбу подразумевает Платон, когда от лица "разумного законодателя" выдвигает требования к "воспитанию граждан" идеального "государства", т.е. гармоничной души. По существу, оно и есть воспитание "стражей", которое проливает свет на тех "борцов", которым Платон предрек, что в "величайшем сражении... у них будет много тысяч противников". "Противники" эти — не что иное как

те "низменные влечения", которые склоняют душу ко злу. Правильное же воспитание, согласно Платону, то, которое направляет душу человека по пути добродетели.

Сравнивая воззрения античного мудреца с тем, что сохранилось и расцвело в средневековой традиции боевых искусств Востока, можно сделать главный вывод. Везде, где укоренилась эзотерическая традиция, происходило одухотворение и освящение воинских искусств. И тогда сами ни становились причастными к посвящению в "таинства божественных учений". Благодаря "присутствию Духа святого", как сказали бы христиане, подобные традиции и сохраняли свою жизнеспособность. Приобщение к любой из таких эзотерических традиций означает по существу посвящение в "стражи", объединенные в "священное воинство", которое охраняет высшие духовные идеалы и ценности. У Платона в "телесном" мире они получили наименование Красоты, в измерении "душевно" — Добра, а в мире "духовности" — Истины. Могут ли упускать это из виду те, кто приобщен к традиции искусств Будо через каратэ Кекусинкай? Ведь в японском имени "союза искателей абсолютной Истины" сокрыт все тот же сакральный смысл "священного воинства", воплощенный Платоном в образе "стражей" божественных Законов.

В.П.Фомин